

— Ладно, ладно, мы все здесь как одна семья, связанные одной веревкой, так что нечего говорить лишних слов.

— Нет, я хотел спросить, пробудил ли ты какие-то новые способности на этот раз? Не такие, которые подводят.

[007]: ...

«Чёрт, слышно? Чёрт».

Услышав новость о том, что Гу Чжэнь очнулся, Лян Даго буквально приполз к нему, едва переступив порог, он упал на колени и, поклонившись дважды, произнес:

— Я недостойн, не смог защитить вашу безопасность, заслуживаю смерти!

Его крик был настолько громким, что Гу Чжэнь почувствовал, как кровать затряслась. Голова его и так была мутной, а от этого звука стало еще хуже. Он слабо махнул рукой и произнес:

— Это не ваша вина, генерал, не стоит так себя винить. Кстати, документ, который я поручил вам подготовить, вы отправили?

Лян Даго ответил:

— Да, ваше превосходительство, он отправлен. Министерство податей уже связалось с округом Сянмин, ближайшим к Цюнсяну, чтобы отправить чиновников. Они должны прибыть в ближайшее время.

Гу Чжэнь, потирая виски, сказал:

— Не говорите «в ближайшее время», мне нужно точное время. Чем быстрее, тем лучше. Если затянется, подгоняйте их. Если нужно, отправьте людей навстречу, понятно?

Лян Даго тут же ответил:

— Так точно!

Гу Чжэнь вздохнул. Только что очнувшись, он уже занялся делами. Это можно назвать настоящей преданностью делу, достойной упоминания в истории.

007 холодно прокомментировал:

«Канцлер, вы слишком скромны. То, что вы сделали раньше, и так уже войдет в историю».

Гу Чжэнь:

«...»

«Постоянное напоминание о прошлом — это очень раздражает».

Лян Даго, наблюдая за выражением лица Гу Чжэня, осторожно спросил:

— Ваше превосходительство, как вы себя чувствуете?

Гу Чжэнь ответил:

— С того момента, как я решил отправиться на поле боя в Цюнсян, я был готов погибнуть. Небольшие раны сейчас — это пустяки, генерал Лян, не стоит беспокоиться.

Лян Даго был растроган до слез, но 007 лишь закатил глаза:

«Как будто тебя ранили кочевники-ху».

Гу Чжэнь с полным правом возразил:

«Ну, я же получил рану, охотясь для солдат. Разве это не считается производственной травмой?»

007:

«Ты охотился? Ты, скорее, икал. Что ты сделал, кроме как мешал Хэ Сьюляну?»

Гу Чжэнь рассердился еще больше и мысленно закричал:

«Если бы не эта дурацкая система автоматической защиты главного героя, я бы не оказался в такой ситуации! Я бы побежал быстрее собаки!»

007:

«...»

«В это я верю, правда».

007 кашлянул, чувствуя легкое смущение, и сказал:

«Это не так уж плохо. Теперь твой прогресс в задании точно вырос, и Хэ Сьюлян, несомненно, стал относиться к тебе лучше. Если не веришь, сними штаны и посмотри, может, он вырос на десяток пунктов!»

Гу Чжэнь подумал:

«Точно, ведь это же важно!»

Лян Даго, стоя на коленях, наблюдал, как канцлер на кровати то краснел от гнева, то радостно улыбался, и покрылся холодным потом. Неужели его превосходительство попал под влияние злых духов?

Лян Даго осторожно спросил:

— Ваше превосходительство, не могли бы вы рассказать, что произошло той ночью с генералом Хэ? Если на вас напали злоумышленники, я обязательно найду их и покараю, чтобы отомстить за вас!

Гу Чжэнь удивился:

— Разве генерал Хэ вам не рассказал?

Лян Даго покачал головой:

— Вскоре после того, как вы пришли в себя, генерал Хэ тоже потерял сознание и до сих пор не

очнулся.

Гу Чжэнь был ошеломлен:

— Это сделала Си Юэ?

Лян Даго кивнул.

Гу Чжэнь мысленно выругался:

«Что Си Юэ творит? Почему она так сильно избивала Хэ Сюйляна, что он пролежал без сознания два дня? Неужели Хэ Сюйлян настолько слаб? Или Си Юэ сильнее, чем он думал? Боже, если она настолько сильна, то эту книгу следовало бы назвать не "Безумный Демонический Генерал", а "Безумная Маленькая Жена"».

Гу Чжэнь снова спросил:

— Генерал, вы знаете, в чем причина?

Лян Даго ответил:

— Кажется, это искажение ци.

«Хэ Сюйлян говорил, что боевые искусства Врат Жусун крайне мощные, но опасные, и могут привести к обратному эффекту. Но раньше все было нормально, почему же после одного боя она вдруг впала в искажение ци? Насколько она стабильна? Что, если она вдруг сойдет с ума за обедом и заколет его? Хэ Сюйлян пролежал без сознания два дня, а если она ударит его, то он моментально окажется в другом измерении. Боже, это будет смерть хуже, чем у Доу Э».

— Где сейчас Си Юэ?

Лян Даго замешкался. По военным законам, за нанесение раны командиру полагается двадцать ударов плетью и три дня ареста. Но Си Юэ была приведена Гу Чжэнем и была героиней битвы при Цюняне, так что Лян Даго не знал, как поступить, и просто ничего не сделал. К счастью, девушка, очнувшись и узнав, что ранила Хэ Сюйляна, впала в глубокую депрессию, целыми днями сидела у его кровати, не ела, не пила и ни с кем не разговаривала. Она больше не проявляла агрессии, но теперь весь лагерь знал, что она возлюбленная Хэ Сюйляна.

Эх, красавица — источник бед.

Лян Даго ответил на вопрос Гу Чжэня, и тот мысленно спросил:

«Эй, что с Си Юэ? Это слишком страшно. Раньше у бомбы был таймер, а теперь она может взорваться в любой момент. Если она убьет нас, это будет несправедливо, правда?»

007 подумал и сказал:

«Она не должна впасть в искажение ци без причины. Обычно для этого нужно какое-то потрясение. Не волнуйся слишком, просто не провоцируй ее».

Гу Чжэнь все еще чувствовал легкую тревогу, но он не мог просто бросить Си Юэ, как горячую картошку. Он кивнул и сказал:

— Тогда позовите Си Юэ, я поговорю с ней.

Но Лян Даго тоже боялся, что Си Юэ снова впадет в ярость, и спросил:

— Тогда я пришлю двух охранников для вашей защиты.

Гу Чжэнь махнул рукой:

— Не нужно, я сам разберусь.

Лян Даго поклонился:

— Тогда я буду ждать за шатром. Если что-то случится, сразу позовите меня.

Гу Чжэнь кивнул, внешне спокойный, но внутри ликовал:

«Это чувство преданности, это ощущение, что его гарем увеличился, — просто прекрасно!»

007:

«Разве это слово так используется?»

Гу Чжэнь подмигнул:

«Ну, примерно?»

Система-неудачник задумалась.

Лян Даго вышел, и Гу Чжэнь поспешно снял штаны, чтобы посмотреть на внутреннюю сторону бедра. Увидев результат, он ахнул и мысленно закричал:

«Семерка, семерка, я поднялся до пяти баллов!!!»

С менее чем одного балла до пяти — это настоящий рывок. Если округлить, это почти миллиард! Все эти жертвы ради задания не прошли даром. Гу Чжэнь почти плакал от радости, видя, как шкала прогресса наконец сдвинулась на заметный уровень.

007 тоже был рад:

«Радостная новость из родильного зала, ты поднялся!»

Гу Чжэнь подмигнул:

«Разве это выражение так используется?»

007:

«Ну, примерно?»

Гу Чжэнь задумался.

В этот момент Жу Сюэ вошла с подносом еды и увидела, как канцлер сидит на кровати, сняв штаны и с серьезным видом смотрит на свои гениталии.

Гу Чжэнь:

«...»

Жу Сюэ:

«...»

«Неужели у меня есть способность всегда быть застигнутым врасплох, когда я снимаю штаны?»

Жу Сюэ больше не боялась Гу Чжэня как канцлера. Напротив, она испытывала к нему странное чувство, которое, после долгих размышлений, она определила как...

Материнскую любовь.

Жу Сюэ подумала, что Гу Чжэню снова стало плохо, и поспешила поставить поднос, подойдя к нему:

— Ваше превосходительство, вам снова плохо?

Гу Чжэнь был шокирован:

«Девушка, ты так смелоходишь, дай мне хотя бы штаны надеть!»

Но Жу Сюэ уже увидела и невольно сморщилась:

— Такой маленький...

Гу Чжэнь:

«????»

«Я, кажется, оглох. Что ты сейчас сказала???»

Жу Сюэ, как врач, работающий в лагере, полном мужчин, уже давно привыкла к человеческому телу. Для нее это была просто часть тела, и если бы она каждый раз краснела, как же бы она могла работать?

Но она все же почувствовала, что была немного груба, и, увидев шокированное лицо Гу Чжэня, серьезно сказала:

— Но цвет и форма хорошие.

Гу Чжэнь:

«...»

«Не знаю, как реагировать на это».

«Жу Сюэ, ты всегда была такой? Кажется, что-то невидимое рухнуло».